

18+

Антонина Сергеевна
Доброквашина

Хочу жить

Антонина Доброквашина

Хочу жить

«Издательские решения»

Доброквашина А.

Хочу жить / А. Доброквашина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-645259-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Как быть, если тебя окружают три мужчины? Кого выбрать? Настасья, главная героиня, тоже имея большой жизненный опыт, попадает в разные ситуации: на море её спасают дельфины, пытается разобраться в криминальной истории с похищением. Настя, доморощенный психолог, точно анализирует поступки и характеры людей. Ей не хватает женского счастья, настоящей любви и обожания.

ISBN 978-5-00-645259-6

© Доброквашина А.
© Издательские решения

Содержание

1 глава	6
2 глава	13
3 глава	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Хочу жить

Антонина Доброквашина

© Антонина Доброквашина, 2024

ISBN 978-5-0064-5259-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– «ХОЧУ ЖИТЬ!.. ХОЧУ ЖИТЬ!..»

Надоело говорить и спорить

И любить усталые глаза...

П. Коган

1 глава

«Я же всех предупредила, что ночевать сегодня дома не буду, – шипела, глядя на телефонную трубку, лежавшую на срубе открытого колодца, полуголая женщина, – я в отпуске, на даче. Всё, – отключив сотовый, про себя добавила: не хочу ночевать и не могу: слишком тяжело ощущать себя лишней и ненужной. И так переместилась спать на балкон... Назад в спальню никто не зовёт... А как быть зимой? И это в собственной, большой квартире, где места мне нет! – возмущаясь про себя, Настя мылась в облепихово-сиреневом закутке, окатывая ледяной водой из шланга. Она полдня провозилась на овощных грядках, остервенело вырывая неистребимый бурьян между рядами и на межах, отмечая свою работу зелеными кучами сорняков, обдирая желтые и ржавые листья у помидоров и баклажанов, подвязывала готовые распластаться по земле от обилия разноцветных плодов кустики перца. – Дочери же сказала, где я ночую, правда, просила мою тайну не раскрывать отцу. Может, поволнуется? На даче, недавно купленной, я одна еще не оставалась на ночь. Пусть муженек думает, что я у кого-нибудь из приятельниц... Вот черт: опять подсматривает. Раздеться догола, что ли? Скинуть бы лет десять-пятнадцать – не задумалась бы! А сейчас стыдно продемонстрировать целлюлитные складки на спине, да и живот к пенсии наела приличный».

Злость и горечь смылись колодезной водой, сменившись необыкновенной легкостью, страстным желанием пошалить. А как? Настя осмотрелась вокруг.

Она давно, еще три месяца назад, заметила, что сосед слева, когда на даче бывает один, иногда подсматривает за ней, припадая к проволочному забору, служившему границей между дачными участками, делая вид, что чинит его. Сразу не догадаешься: любопытный мужчина сливается со стволом развесистой абрикосины. Своей жены мало, что ли? Она спокойная у него, тихая, какая-то незаметная. Иной раз даже не здоровается. Сядет на скамеечку возле грядки и долго, не поднимая головы, щиплет травку. Как батрачка. Странные у супругов отношения: общаются друг с другом редко, смеха на их участке не слышно, даже когда дети и внучка приезжают. Муж ее постоянно возится с уликами, которые занимают треть участка. Видимо пчелы не любят суеты, поэтому тишина на пасеке идеальная.

Хохот, крики, беготня туда-сюда, бодрящая музыка, спящие мелковозрастные внуки – всё это раздаётся с дачи, расположенной справа. Буйное разноцветье флоксов, гладиолусов, астр на огородных полянках, разбросанных яркими пятнами то тут, то там, как бы подчеркивает это кипение жизни. Кажется, взрослые тоже спокойно не передвигаются, а летают на невидимых крыльях. Как ни странно, эта суета в центре дачного кооператива никому не мешает. Никто не жалуется: наверное, благостная природа сама регулирует свое состояние, поглощая резкие, визгливые звуковые нарушения.

Соседку через дорогу, нельзя заменить ни радио, ни телевидением: она в курсе всех событий – мировых, российских, дачных. «Кто, что, где, когда и с кем – все знает баба Валя, быстрее интернета; она пригвоздит любого не только фактом, но и собственной оценкой. На язык ей лучше не попадаться: возненавидишь саму себя за совершенные и неведомые тебе поступки», – утверждает ее давнишняя подруга, тоже соседка по даче. Правда, до английской любительницы сыска мисс Марпл бабе Вале не дотянуть: она не чопорна, говорит прямо, не завуалировав ни единой мысли. Дачники ее побаиваются о одновременно уважают. Поэтому все уверены, что «воры обходят наше местное сообщество из-за легендарной бабы Вали». Дай Бог!

Честно сказать, Настя ее нисколько не боится, к замечаниям по поводу заросших грядок относится спокойно, философски – значит, так тому и быть. Соседка это чувствует и задушевно-воспитательные беседы не ведет, поздоровается – и всё. В самом начале баба Валя пыталась пометить свою виртуальную территорию и на семье Насти, но та ее предупредила: будет

лезть со своими советами и замечаниями – станет героиней рассказов. Пожилая женщина толком не поняла, что с ней сделают, но с тех пор Настю учить перестала.

Надо сказать, что этот дачный колхоз с интересным названием «Пенсионер» – своеобразный рай, куда бегут от городских проблем молодые и пожилые, устав от обязательной и чаще ненужной суеты, от борьбы за место под солнцем, где клянутся они вести здоровый образ жизни и продлить вожделенные годы. Некоторые, в основном, пенсионеры, в городе по полгода не бывают – на даче есть всё: вода, свет, охрана. Насте тоже здесь нравится: ни от кого не зависишь, никому ничего не должна, кроме самой себе. Минимум удобств не умаляют дачной прелести.

Обмотавшись старой простышкой, полуголая Настена, якобы не замечая нахального соседа, пробралась в домик. На ходу включив на веранде чайник, женщина прихватила лежавшее на диване белье, халат, прошла в комнату, задернула шторы и зажгла верхний свет. Переодевшись, она до хруста костей потянулась перед овальным зеркалом, по-деревенски висевшим в простенке. Только сейчас Настя поняла, как она устала. После нескольких упражнений, почувствовав небольшое облегчение, она вернулась на веранду, заварила чай с листьями смородины, ежевики и ягодами спелой облепихи. «Попью сейчас этого настоя и перечитаю любимые страницы пушкинских „Повестей Белкина“, забытых здесь прежней хозяйкой. На ноутбук меня уже не хватит», – подумала Настя и после второй чашки, наслаждаясь запахом чая, тишиной, задремала в кресле.

Очнувшись от лая соседской собачонки. На улице стемнело. Из-за необъятной березы, расположившейся у крыльца, выглядывал сквозь облака ярко-серый край неба. Настя прислушалась, а потом вспомнила, что входная дверь не заперта, окна в комнате открыты. Подскочив к двери, женщина сначала на засов закрыла ее, только потом повернула ключ в замке. Немного успокоившись, она подошла к окошку, выходящему на улицу, прикрыла его, а когда собралась делать то же самое с другим окном, услышала голос соседа:

– Настя, стой!

– Господи, что вам надо? Как же вы меня напугали!

– Займи заварки и хлеба. Кинулся – дома ничего не осталось, хотел съездить на четырнадцатый километр – опоздал на автобус. Своя машина в ремонте. Не жмотничай!

– Послушайте, с каких таких пор мы с вами на «ты»? Что-то не припомню, кроме «Здрате!» да подглядываний, будем откровенны.

– Не вгоняй меня в краску. Лучше поверь: мне действительно стыдно. Не бойся, я не сексуальный маньяк и не эксгибиционист. Я нормальный мужик!

– Конечно, дачный мачо! Подождите здесь. Я вам все принесу, – насыпав сахар в пакет, отрезав приличный ломоть хлеба, Настя вернулась к распахнутому окну и, немного помедлив, решительно заявила: – Заходите, я вас своим чаем напою, бутерброды сделаю.

– Ха, ты думаешь, я откажусь? С великим удовольствием и чай попьем, и пообщаемся. Подожди минутку: я кое-что из дома прихвачу, – и он исчез в темноте.

Анастасия налила воды в чайник, включила его, а в большой заварник добавила свежих листьев, пожатая их перед этим ладонями. Резкий сладковатый запах поплыл по веранде. Настена разложила кусочки сыра, украсила тонкие ломтики копченой семги веточками сельдерея и укропа, порезала крупно, ломтями, перец, огурцы, помидоры. На столе по краям в двух больших стеклянных кувшинах без воды стояли букеты из пряных трав, уже завядших и издававших острый, с кислинкой аромат. Светло-зеленые, почти прозрачные, с короткими прожилками ранетки и ярко-зеленые груши с красным бочком лежали в щербатой одноногой вазе и как бы нарочито выставляли свою готовую вкусную прелесть, бесстыдно предлагая себя съесть. Черный бородинский хлеб дополнял эту аппетитную картину. Осталось разлить по чашкам чай – и стол готов. Настена, открывая запоры входной двери, с улыбкой обернулась, любясь своим творением. Дачный натюрморт, не хватает только кисти и красок, чтобы

запечатлеть это на холсте. Она вдруг поймала себя на мысли, что не вспоминала ни о доме, ни о муже, ни о депрессии. Всё как будто закрылось плотной шторой и не прорывается... Странно, однако... «Переодеться, что ли? Хоть сарафан накинуть, в халате неэстетично: разрушится картина.» Настасья метнулась в комнату, когда постучали. Сосед, разувшись на крыльце, тихонько вошел. Оглядевшись, Роман поставил на стол увесистый пакет.

– Вообще-то я вас на чай приглашала! – удивленно воскликнула Настена.

– А тебе не кажется, что такой стол располагает к другому? – захохотал мужчина, – для полноты картины явно недостает бутылки вина и конфет!

– Сосед, я спиртное вообще не пью, даже вкуса его не знаю: плохо или хорошо, но это особенность моего организма. Главное пиршество для меня – общение, душевная беседа, естественно, на трезвую голову. Так что выбирайте.

– Боже, как пафосно! – с издевкой воскликнул он. – Так-таки не пьет. Не верю! – неожиданно резко проговорил он. – Моя жена тоже не берет в рот, а раньше не отказывалась и сейчас расплачивается: камни в почках, что-то нехорошее с печенью. Несколько операций.

– Может, не только в спиртном причина? Я заметила, какая она у вас молчунья.

– Выговорилась по молодости, – помолчав, добавил: – вообще мы с ней давно разведены... Но живем в одной квартире. Лень заниматься разменом. И дача общая. А также работаем вместе в одной проектной организации, но там мы не общаемся: я архитектор, она планировщик.

– А как же дети реагируют на ваше состояние духа?

– Внешне никак, держат нейтралитет.

– Садитесь. Чай настоялся... А я даже и не догадывалась, что вы бывшая семья.

– Как говорится, в жизни всякое бывает, – попробовав целебный настой, Роман улыбнулся, а потом, спохватившись, вытащил из своего пакета небольшой деревянный бочонок и глиняную миску, накрытую глубокой тарелкой, и в воздухе повеяло цветущей липой. Роман налил в пиалу тягучий прозрачный мед, а в тарелку положил большой кусок сот. У Насти даже внутри приятно похолодело от душистого, будоражащего аромата.

– Простите меня за дурные подозрения. Вкуснотища какая! – облизывая медовые пальцы, Настя смотрела на него, не отрывая взгляда. – А теперь признавайтесь, с чего вдруг вы решились на такое угощение?

– Ну, сегодня Спас, если ты помнишь, – с широкой улыбкой сообщил он. Она кивнула головой:

– Баба Валя всех оповестила; Галина угостила меня своими яблоками и грушами, освященными в церкви, куда она специально ездила с утра. Только я, идиотка, грешила целый день: запущенный по дурости огород чистила. Думаю, меня Бог простит за такое святотатство: другого времени не было, да и отпуск заканчивается, – смущенно пояснила женщина. – Кроме праздника, какая же еще причина такого внимания к моей особе, вроде бы я веду себя независимо, тихо, никому не навязываюсь? – допытывалась она, стараясь быть серьезной.

– Я заметил, что ты одна, без отдыха целый день мантулишь в огороде. Любо-дорого посмотреть на твои чистенькие грядки, – смеялся Роман.

– Это не причина для награды. Это расплата за нерадивость, – парировала Настя. – Итак, нужна правда и только правда.

– Хорошо, но налей мне еще своего колдовского зелья. Это во-первых. А во-вторых, будем на «ты».

Смакуя чай и заедая его черным хлебом с медом, дачные соседи молча поглядывали друг на друга и улыбались.

– Так в чем же суть вашего... твоего поступка, – допытывалась Настя. – Скучно одному? Поразвлекься решил?

– Скучно – да, поразвлекься – нет... Я давно за тобой наблюдаю, с самого начала.

– И какая же загадка во мне, которая решению не поддается? – с осторожностью спросила женщина.

– Хочешь откровенно, без вранья?

Настя кивнула.

– Ты очень несчастлива.

– Черт возьми, Америку открыл! И как это проявляется?

– С мужем на даче общаешься мало. Ты в одном конце огорода копаешься, он – в другом.

– Ну и что из этого? Может, мы дома друг другу надоели?

– Возможно. Работаете оба, как два трактора: много, тяжело, пока хватает горючего.

Остановить друг друга никто из вас не пытается. Смотрите один на другого то со злостью, то глубоко равнодушно, а то и вовсе с какой-то обреченностью, будто феодальную повинность выполняете. Живущие нормальной семейной жизнью так не поступают. Я это уже проходил, повторения не хочу.

– И всё это так заметно? – ужаснулась Настя. – Мы же не ругаемся, вполне интеллигентно общаемся друг с другом. – Она продолжила уже шепотом: на люди ничего не выносим.

– Не зря говорят: со стороны виднее.

– И ты меня пожалел, – взорвалась она. – А я терпеть не могу жалость, потому что чувствую себя какой-то ущербной, моральной калеккой. – Настя даже икать стала от волнения. – Черт возьми, что же во мне такое страшное скрыто, раз мужики от меня шарахаются? Муж другую нашел, сосед изъяны увидел. Да отстаньте все от меня! Я такая, какая есть. Иной быть не собираюсь! – шепотом кричала отчаявшаяся Анастасия, меряя шагами небольшое пространство веранды. – У меня на самом деле всё замечательно, я состоявшаяся женщина, уважаемая на работе! Прекрасно обхожусь без мужской поддержки! Меня ценят дети и внуки. – Повернувшись к своему гостю, она в упор спросила: – Кто ты такой, чтобы меня судить? С подобными судьбами, как у меня, женщин немало. У жены твоей, небось, тоже была причина пить? – Настя ждала ответа, а Роман молчал, не отрывая от нее взгляда. – Ты знаешь, я долго носилась со своей болью, как бы нянчила ее, в конце концов, сжилась с ней. Но со временем поняла, что ощутила себя жертвой. А это страшно – жалость к себе засасывает. Прямой путь к жуткой депрессии. Стала читать дочкины книги по психологии, делала какие-то записи, устраивала тренинги. И считаю, что я вытащила себя из ямы. Срывы, конечно, бывают, вот как сейчас, например. Мне теперь понадобится какое-то время, чтобы прийти в себя, – Настя открыла дверь на улицу, опустила тюлевую шторку от комаров и почувствовала, как ночной, почти осенний холод стал обволакивать ее. Вскоре она замерзла в своем легкомысленном сарафанчике. Неожиданно стала читать:

Во мне желаний больше нет,

Нет больше боли, страха, страсти,

Исчез тепла, отрады свет,

Живые краски на лице погасли...

– Как там дальше у Вероники Тушновой?

И сердца своего уже не слышу я

Быть может, и оно пропало,

Сгорело, может, горсткой пепла стало

От этих страстных мук, от этого огня.

– Черт возьми, она еще и стихи депрессивные читает! Ты несчастлива, – резко перебил ее Роман, – еще и потому, что упиваешься своим горем, купаешься в нем, играешь в него. В тебе пропала великая актриса. На самом деле тебе скучно, мужа ты разлюбила, только расстаться боишься: стыдно перед знакомыми, перед собственными детьми и внуками. Поэтому проще врать. Ему, видимо, тоже. Жду твоего хода, как в любимых шахматах. Не надоело жить во лжи?

– А ты, праведник, живешь в раю? Жене операции делают, а он свободой наслаждается среди пчелок, подглядывая за соседкой. Подумаешь, великий психолог нашелся! Чем ты лучше меня? Да, сейчас ты не врешь, демонстрируя свое отношение. Представляю, как ей больно рядом – и на другой планете.

– Не вали с больной головы на здоровую. Кстати, инициатором развода была именно она, я долго противился. Но все равно это честно. А ты просто ханжа: заставляешь себя переживать по поводу, а не по причине. Вот так!

– Черт возьми, мы с тобой общаемся так, как будто знаем друг друга сто лет! Ты меня обличаешь, мне указываешь, ставишь диагноз. Кошмар! Я с мужем и в мирные времена так не говорила! – металась по домику Настя. Взглянув на ходики, оставшиеся от прежней хозяйки, она резко остановилась. – Ты посмотри, сколько времени! Далеко за полночь! До свидания!

– Ну, нет! Я тебя в таком состоянии не оставлю: перебудешь и ближних, и дальних соседей. Сбегутся еще все сюда. Баба Валя наверняка с дубиной будет носиться, скликая народ.

– Не смешно! Мы не орем друг на друга. Мы шипим. Прислушайся – даже Роза соседская не твякнула.

– Естественно, чужих болонка не унюхала, соседей всех знает, и ей остается только наострить уши и вникнуть в суть наших дебатов, – засмеялся Роман. – Всё, прекращаем околонучные споры. Налей-ка в чайник воды – так хочется еще отведать твоего лечебного отвара.

– Наливай сам – ведро стоит на крышке колодца.

Романа не было минут пятнадцать. Вернувшись, он сказал, что ходил в свой дом, так как забыл в спешке закрыть его.

– Ты, милоч, надолго не располагайся, скоро светать будет, да и спать хочется, – зевая и потягиваясь, Настя начала грызть яблоко, чтобы не уснуть на ходу.

– Не беспокойся, спать будешь одна. Пока. Я хочу сделать одно заявление, – серьезно, не давая возразить удивленной Насте, произнес сосед. – Чтобы излечить твою надуманную депрессию и явное ханжество, предлагаю завтра рано утром уехать на море. Вдвоем. На моей машине... Молчи, – быстро, умоляющим тоном заговори мужчина, – не отказывайся. В Надеждинске, под Владивостоком, есть турбаза «Надежда», где я не раз бывал. Никого не захочешь видеть – можно дикарями отдыхать, в палатке на берегу. Море чистое, спокойное, полкилометра идешь, а тебе всё по пояс. Ляжешь на матрас – и спи на водяном покрывале, как в люльке. Мелкие рыбешки безбоязненно стайками и в одиночку снуют рядом. Неподалеку рыбаки обычно ловят кефаль. Я часто по утрам бегал к ним за свежей рыбой на уху.

– О чем ты говоришь? Конец лета, конец отпуска, конец учительским отпускным. Через две недели я должна быть на работе. У меня, в конце концов, консервация, не зря же я здесь почти всё лето немилосердно гнула спину, – выпалила Настя, окончательно проснувшись. – И не это главное. Как же я буду объяснять домашним? Мама пустилась во все тяжкие: с незнакомым мужиком подалась в бега? Я похожа на человека, совершающего безумные поступки?

– Ты настоящая женщина, готовая на отчаянные всплески измаявшейся души, никак иначе! Я в этом твердо убежден!

– Как романтично! – с явным скепсисом перебила Настасья своего собеседника. – Стихами случайно не балуешься, пчелиный философ?

– Бывало по молодости. Ладно, хватит изображать из себя обиженную тургеневскую барышню, небось любимый твой образ, на который молишься, – Роман поднялся с кресла и уже в дверях, смеясь, добавил: – подтекст понял – содержанкой быть не предлагаю. У меня всё готово для путешествия. Сегодня заберу своего коня в автосервисе. Упакую его в дальнюю дорогу, а завтра в пять утра буду у твоего подъезда.

– Только не там. Сплетен не хочу. За углом дома.

Роман взял со стола ее телефон, набрал свой номер: обозначился надежно.

– Всё, теперь всё. Спокойной ночи, а точнее с добрым утром, дорогая соседка! Надеюсь на положительный результат, – поцеловав в щечку ошеломленную Настю, исчез в безлунной тишине. Через минуту загоревшийся свет в соседском доме стал для Настены сигналом. Она включила ночник, разложила диван, натянула на себя теплый махровый халат с капюшоном, легла в постель, укрывшись верблюжьим одеялом, и мгновенно провалилась в глубокий сон.

Проснулась она, услышав какое-то царапанье во входную дверь, знакомое радостное повизгивание, а потом детские голоса:

– Бабушка открой! Мы в гостях!

Настя вскочила, выглянула в окно на улицу. Возле калитки стояла машина сына. Невестка вытаскивала из багажника сумки с пустыми стеклянными банками и пакеты с чем-то. Сын нес какую-то огромную коробку. Женщина открыла дверь, и в дом буквально ввалились хохочущие внуки, взлохмаченная пекинесиха Люська.

– Бабушка Настасья! Привет! Мы тебе подарок привезли – торт! Давай чай пить. Хочешь знать самую важную новость? Люська хочет пожить на даче и будет тебя охранять! – выпалили шестилетние близнецы.

– Детки мои дорогие! Как я рада всех вас видеть! Я вас медом угощу, причем разным, – обнимая своих любимчиков, она спросила, увидев входящих сына и невестку: – а родители чай будут пить?

– Конечно, но позже. Мама, ты с ума сошла? – вместо приветствия набросился Андрей. – Точно не разгibasь и не отдыхала! Я бы сегодня скошил в течение получаса. Давление в норме? И это твой отпуск? – тархтел возмущенно сын.

– Не ругайся, сынок! Отвечу сразу на все вопросы. У меня на удивление всё прекрасно: и давление, и настроение. Сорняками занималась с большим удовольствием. Впереди – доведение до ума созревший урожай.

Андрей, обнимая мать, подобрешим тоном предложил:

– Давайте так. Готовьте завтрак, а я перенесу весь бурьян с дорожек, почищу там кое-что, соберу все спелые овощи для консервации. Мужички мне помогут.

– Почему вы так рано? Еще восьми нет, – спросила она у невестки.

– Наталья нам звонила несколько раз: у мамы телефон молчит, – Алла посмотрела на мобильник. – Он же у вас отключен, как всегда. Ну, вы даете! Мы, впрочем, так и предполагали. Ну, ладно, слава Богу, всё в порядке. Привезли вам банки, крышки для закаток, как заказывали. Мы же сегодня уезжаем на море, поезд в семь вечера, надо все успеть, – Алла посмотрела на стол, заметила две чашки, – у вас кто-то в гостях был?

– Да это соседка приходила с праздником поздравить. Засиделись с ней дотемна, – отвернувшись, чтобы не было заметно смущение, пояснила свекровь.

В десять часов, сделав обход всех грядок, семейство отчалило, оставив шуструю Люську на попечение прежней хозяйки. Настя присела на скамейку под березой: жарко стало, градусов тридцать. В пяти метрах от дома пылала разожженная сыном печка с кипящей водой в большой кастрюле. А до вечера надо успеть законсервировать горы огурцов, помидоров, сделать лечо, салаты. Дел невпроворот! «Соседа не видно, забыл о приглашении? Завтра посмотрим, чего стоят твои слова...»

К 9 часам вечера Настасья была дома, завершив дачную революцию закрытием консервного заводика на две руки: двадцать трехлитровых, десять двухлитровых банок и разная мелочь с огородной продукцией заняли свое место под одеялами, медленно остывая и доходя до нужной кондиции. Дочь клятвенно обещала перевезти все это овощное богатство в гаражный погреб не позднее, чем через два дня. Успокоенная этим заверением, Настена начала сборы на море, соврав дочери, что едет с семьей соседей по даче. Вообще-то прозвучала полуправда, которой родственники охотно поверили и обрадовались почти двухнедельному отсутствию мамы, зятя и бабушки в одном лице: некому будет зудеть или молчать в позе обличаю-

щего памятника, как сказал старший внук. Мало того, обещали пожить в квартире или почаще навещать туда, присмотреть за Люськой, еще и немного денег дали на дорогу, чему отпускница была очень рада: Бог знает, что может произойти, вдруг придется поездом возвращаться. Отчитываться было не перед кем: муж якобы в очередной командировке. Хотя по телефону начальник сказал, что он уже в отпуске. Ладно, Бог ему судья!

Проснувшись ранним утром, Настя, то кляня, то благословляя себя, под душем смывала все свои сомнения, постоянно выскакивающие у нее перед поездкой... И все-таки она едет...

Без четверти пять женщина решила выгулять собаку и посмотреть, действительно ли его приглашение и ждет ли ее машина. Люська сразу же потянула хозяйку за угол дома. На улице предрассветная пора, которую Настя обожала: звезд уже не видно, темнота какая-то прозрачно-полосатая, сероватое небо с чуть-чуть лиловым оттенком по краям. Душу наполняет ощущение радостного ожидания, приятный холодок медленно ползет в сторону парного озера. Тишина. Вокруг никого: ни собак, ни людей, даже свет не мелькает в окнах. Какой-то неземной, фантастический пейзаж: немыслимые очертания деревьев и кустов, выключенных фонарей. Неожиданно в этот нереальный мир врзаются инородные, механические звуки, усиливаясь с приближением. Через полминуты перед Настей, ослепленной светом фар, завизжали тормоза и посыпались, как горошины из пакета в чашку, вопросы Романа:

– Ты готова? Собаку тоже берешь оздоравливаться? Тебя кто-нибудь провожает? Будем грузить твои вещи? Где сядешь: рядом или сзади? Почему ты молчишь? Или спишь на ходу?

– Доброе утро, сосед! Ты дашь мне вставить хоть одно слово? Или мне тоже тарыхтеть, как из пулемета? – Настя пыталась остановить словесный понос.

– Ответь мне только одно: ты едешь или успокаивать меня вышла, придумав очередные несущественные проблемы?

– Еду. Ты меня своим воспитанием так достал, что я решила отомстить тебе тем же, – засмеялась Настя. – Подожди меня, и через пять минут мы будем лететь навстречу заре на твоём японском драконе.

2 глава

Машин на трассе немного, поэтому ехать было легко. Настя говорила, говорила, вспоминая смешные случаи из своей школьной практики. Перекусив на берегу речки у Лермонтовки, попив крепкого кофе, они больше не останавливались до самых Горных Ключей. Там они набрали минеральной воды, пообедали в придорожном кафе, не боясь встретить знакомых. А в три часа после обеда уже пересекли Надеждинск, так и не придя к единому мнению, где лучше остановиться: на турбазе или все-таки дикарями в палатке. Настасья когда-то в былые семейные времена отдыхала в этом городке дважды. Тогда ее семья каждый день отправлялась из Надеждинска на пляж, в заветное, почти безлюдное место, проезжая целых семнадцать километров. Насте и сейчас не хотелось на турбазу, но она смущалась того обстоятельства, что в палатке надо спать вдвоем; она к такому повороту в жизни не готова, а признаться стыдно. В конце концов, пересилив себя, она на прямую сказала о своих сомнениях. Роман захохотал:

– Именно это я и предвидел, всё ждал момента, когда же ты объявишь, что мы спим раздельно. Не трави свою душу. В джипе можно и вчетвером спать, тем более я туда специальный матрас в прошлом голу в Японии купил. Выбери, где будешь проводить ночи: в палатке или в машине. Можно по очереди.

– А где ты предпочитаешь? Слово хозяина, – как-то несмело, шепотом произнесла Настя.

– Не ерунди. Вот в приготовлении пищи я без тебя никак не обойдусь. Есть газовая плита, всяческая походная посуда, консервы, картошка, овощи, фрукты, мёд. Здесь тратиться можно только на рыбу. И всё. Автономное существование. Как в космосе. У меня это давно отработано, – успокаивал Роман.

– А соседи далеко будут? Вероятно, подобных дикарей, как мы, немало? – допытывалась Настя.

– Естественно. В прошлом году три палатки стояли метрах в ста от меня, дальше другой лагерь. То есть на берегу мы были не одни, но не досаждали никому. Прямо сейчас и убедимся. Поехали, душа и тело изнылись и моря просят.

Место оказалось занятым, дикарей было полно, палатки натянуты чуть ли не вплотную друг другу.

– Всё, возвращаемся на турбазу, – предложил Роман, явно расстроенный.

– Давай проедем дальше, километров десять. Я знаю, где это. Может, там картина иная? – Настя говорила тихо, стесняясь лишней раз голос подать.

– Хорошо. Но если и там не получится, возвращаемся в «Надежду».

Настасья правильно указала дорогу к заветному месту. До конца главной улицы поселка и налево, круто вниз, между огородами, потом по лесной дороге назад – берег Японского моря, Уссурийский залив! Действительно, людей было мало, всего пять палаток, расположенных друг от друга. Высоченный бурьян, в котором можно было заблудиться, местами подступал к песчаному берегу. Настя вышла из машины и прошлепала босиком по воде в сторону сопки. Уже пять вечера, а солнце всё жжет. Вскоре она заметила укромное, высокое место под развесистым манчжурским орехом.

– Давай сначала охладимся, а потом лагерь разобьем. Не могу больше, – Роман буквально вывалился из машины, схватил пакет с купальными принадлежностями и махнул в заросли лебеды. Через минуту он в плавках и резиновых тапках мчался по морскому песку. «Спортивная фигура для шестидесятилетнего мужчины. Длинные мускулистые ноги, рельефные сильные руки и ни жиринки на животе. Прямо атлет из Древней Спарты! И я с целлюлитными складками на спине и жиром на животе! Позор! – размышляла Настя, слегка разочарованная увиденным. – Но ничего. Купальники оба закрытые. Сделаю из большого шелкового платка юбку, другим прикрою спину. Пусть домысливает. Мы же с ним только соседи, без излишеств.

Может, за обеды-ужины отметит? Я постараюсь, особенно рыбные блюда мне удаются. Хотя, чем естественнее, тем лучше», – запутавшись в своих глупых, бессвязных мыслях., Настена натянула на себя купальник, нацепила широкополую соломенную шляпу и почти скатилась с их обрыва на морской песок, потеряв сланцы. В самом низу ее подхватил какой-то рыбак с удочками.

– Мадам, экзамен сдаете по парапланеризму? Аппарат-то забыли! И метлы со ступой не заметно! Следующий раз ловить вас будет некому, если забудете соответствующую экипировку! – усмехнулся мужчина.

– Я что, на ведьму похожа? Маргарита из меня никакая, но спасибо за комплимент! – хохотала Настасья. – Мы ваше место заняли? Так там поляна широкая, места и другим хватит.

– Я знаю, и мне нисколько не жалко. Вообще-то, милая девушка, от ореха слева идет ступенчатая тропинка вниз. Я этим летом ее три раза поправлял. Просто живу недалеко, вон забор виднеется. Если что понадобится в смысле быта, обращайтесь – помогу. Эта тропинка, уже в обратную сторону, как раз и выведет к моей калитке. Привет супругу, – приподняв шляпу, рыбак вскинул удочки на плечо и медленно стал подниматься по едва заметной дорожке. Уже с обрыва он крикнул: – меня Павлом Ивановичем зовут, или дед Паша, как кличут земляки! Рыбки захотите – приходите, угощу.

Настя, не переставая улыбаться, поплыла по направлению к Роману, который метрах в двухстах от берега лежал на спине, раскинув руки. Он, услышав плеск подбирающейся соседки, перевернулся и стал на дно. Глубина моря оставалась почти такая же, как у берега, по грудь, только вода прозрачнее.

– Уже знакомыми обрастаешь? – начал допытываться Роман, – а ты страдала – никому не нужна. Оставь тебя одну – уведут!

– Смотри, без кухарки останешься. Меня он и домой пригласил: живет рядом, – Настасья удивилась его ревнивой реакции. – Давай на свою вершину вернемся и обустроимся.

Пока они плавали, народу на берегу прибавилось: семь машин уже выглядывали из зарослей травы. Вновь прибывшие ставили палатки, детвора носилась по пляжу. На их обрыв никто не позарился, видимо, дороги не нашли. Прекрасно, без дела не будут заглядывать к ним.

Поставив палатку и приготовив ужин, отпускники в сумерках пошли еще раз купаться. Далеко они не заплывали, плескались у берега и, как Насте показалось, ее сосед намеренно оттягивал время возвращения в их лагерь. И она не предлагала, молчала. Уже и звезды высыпали на темном небе, и дети ближних дикарей утомонились. А потом огромная круглолицая луна выкатилась из-за облака. Неслись и пропадали в густом воздухе голоса взрослых, расположившихся на корягах у большого расколотого валуна, на котором они разожгли костер. Волны то лизали им ноги до колен, то щекотали ступни. Полуночники стали звать к себе Романа и Настю: «Гости иноземные, милости просим к нашему очагу!». Настасья, было, отказалась, но ее сосед решил не упустить возможность познакомиться с аборигенами, как те называли себя. Пришлось остаться. И это гостевание с тостами, со стаканчиками домашнего вина, песнями под гитару затянулось далеко за полночь. А вначале так хотелось спать! Настя как в давние студенческие времена попала: смеялась, пела, даже анекдоты рассказывала. Но усталость брала свое.

– Ну, всё! Спасибо за приглашение и знакомство, – Роман поднялся, включил прихваченный им мощный фонарик, подал руку Насте. – Спокойной ночи!

Они поднялись на свою вершину по ступенчатой тропинке деда Паши, которую скрывали лохматые ветки деревьев и кустов. Роман шел сзади, направляя свет то вверх, то вниз. В машине мужчина нашел еще один фонарик, осветил землю с правой стороны манчжурского ореха, где огромные ветви с разлапистыми листьями скрывали укромное место, чтобы помыться, переодеться. Роман поставил там канистру на большой камень и пластмассовую кружку. Такое удовольствие ополоснуться теплой пресной водичкой! Настя еще вечером, когда

они обустроивались, согласилась спать в машине, так как она жутко боится «ползучей, шипящей, кусачей живности», тем более в одиночку. Внутри джипа на всю длину и ширину разложенных сидений разлегся ворсистый на ощупь матрас. Она пробралась на постель, щелкнула кнопкой блокирования дверей и мгновенно уснула.

3 глава

Ее разбудил Роман, зовущий на пробежку по берегу моря и водную гимнастику.

– Хочу спать, только семь утра. Мы ж на заре вернулись, – сонно пробурчала она, открывая двери. – Нужно что-то – бери, но дай поспать. Вон и солнце спит в молочном тумане. Моря даже не видно. Завтрак я тебе попозже приготовлю.

– Мадам, завтрак готов. Я уже за рыбой сбегал к сопке к твоему знакомому. Подъем, – настаивал сосед, – иначе будешь наказана.

– В угол поставишь или компота не дашь? – шептала она, лежа с закрытыми глазами. – А может, в море утопишь?

– Балда, я накажу по-особому: буду досыпать рядом с тобой. Считаю до трех. Итак, счет пошел. Раз...

Настя, услышав угрозу, сорвалась с постели: «Я сейчас», схватила рядом лежащие тунику и шорты. Выскочила из джипа, по пути прихватила не высохший за ночь купальник. Включив сигнализацию машины, Роман первым начал спускаться по росистой тропинке на песок, Настена за ним. Внизу они были мокрыми по грудь. И все равно ей пришлось подчиниться приказу: «Бегом марш!». Роман только рассмеялся, услышав угрозу Насти: «Мучитель! Ну, я поймаю тебя на чем-нибудь! Случай подвернется, я думаю». Пробежав где-то с километр, они так же бегом вернулись к старту.

– Мне же не двадцать, не тридцать лет и даже не сорок пять! – взмолилась Настасья. – Такие нагрузки не выдержи! С ума сойти!

– Что ты несешь? Два дня назад ты весь огород перевернула! И так за лето много раз. Вот это нагрузка! А сейчас – одно удовольствие! – возразил учитель-мучитель, приближаясь к ней. – Сама идешь в воду или мне помочь? Окунешься же во всем одеянии. Хочешь? – пригрозил тренер-садист.

– Нет! – шепотом заорала она, сбрасывая футболку и шорты. – Чур, не брызгать! Я обливаюсь по утрам много лет, холодной воды не боюсь, но сюрпризов не люблю, – как мантру, повторяла Настя, шагая по прибрежному дну.

– Ты не молись, смело ступай, вода не остыла! Как здорово! – метрах в десяти от нее Роман нырнул. А Настя тихонько брела по краю, наконец, решилась и поплыла от берега. Оказалось, действительно теплее. Не зря говорят: вода по утрам как парное молоко. Поплавав минут двадцать, она вышла на берег и мигом взобралась к себе. Когда наверху появился сосед, Настена уже растиралась махровым полотенцем после холодной пресной водички.

– Хочу есть! Жутко проголодалась после такой холодовой терапии! – пропела Настя при виде своего благодетеля.

– Еще бы, столько калорий потерять! Вот что значит жить в согласии с самим собой! Как там в спортивной песне советских времен? Чтобы тело и душа были молоды, были молоды... – уже пел сосед. – На завтрак уха из кефали и кофе растворимый со сгущенкой. Потом каждый занимается своим делом. Пойдет?

– Еще бы! Правда, смущает одно обстоятельство: меня вроде бы в поварахи завербовали.

– Все еще впереди. Ты лучше стол накрой, – приказал Роман. Заметила, что бодрствуем только мы? Тишина. Полный штиль, как по заказу. Благодать какая!

– Кто рано встает, тому Бог дает, – засмеялась Настя. – Солнце тоже последовало нашему примеру: лучами туман рассеяло.

– Здорово! После завтрака рисовать буду! В душе я больше художник, нежели архитектор.

Настя сервировала стол по-настоящему, только посуда одноразовая портила всю картину. Настоящая льняная скатерть не спасала положение, хотя и зелень, и свежие овощи, и полевые

цветы в высоком стакане, и салфетки. Все равно приятно, картина глаз радует. Когда они сели завтракать, неожиданно послышалось:

– Доброе утро, соседи! Приятного аппетита! – Перед ними нарисовался дед Паша с удочками на плече. – Хотите еще рыбки? Свежайшая, только с крючка.

– Конечно, возьмем. Садитесь с нами, ухи отведаете, – пригласила Настасья, – чай по-своему заварила из ваших приморских травок, своих добавила.

– Спасибо, не откажусь, – Павел Иванович расположился на складном стуле перед столом. – Я тоже внесу свою лепту, только арбузом и дыней – сорвал на другом огороде возле сопки, куда рыбачить хожу.

После завтрака Роман пригласил соседа на обед, узнав о том, что живет он один: три года назад окончательно перебрался из Владивостока после смерти жены. Профессиональный художник, фамилия которого, оказывается, Роману хорошо знакома. Да и хабаровчанина Павел Иванович заочно знает как известного архитектора, по проектам которого построены интересные здания в Приморье. «Ну, слава Богу, собеседник есть, может, он меня доставать своими психологическими опытами не будет?» – обрадовалась Настасья, когда услышала, как дед Паша и его новый друг заговорили профессионально о живописи, о натуре, о перспективе и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.